

Яков МАРКОВИЧ

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О ПОЭЗИИ

Классик английской литературы Сомерсет Моэм считал, что из 10 000 читателей прозы только один понимает ее. К первому числу надо добавить как минимум три ноля, если вести речь о читателе, действительно чувствующем поэзию.

Сам Моэм, утверждавший, что «поэзия — величайшее и благороднейшее из искусств», писал: «Я не могу припомнить ни одной серьезной пьесы в прозе, которая пережила бы породившее ее поколение». Моэма стихи привлекали потому, что они своей ритмичностью способствуют запоминанию актерами ролей. Самим поэтам он спел редчайший по торжественности дифирамб: «Хорошо говорить, что поэзия — это чувство, которое вспоминается в минуты душевного покоя; но у поэта чувство особого порядка, присущее больше поэту, нежели человеку». Следует ли поэтам чтить весьма прозаичного Моэма за то, что он не считал их людьми?

Если писатель Моэм выразился о поэтах таким блестящим слогом, то что ожидать от критиков и литературоведов, которым авторы поэтических созданий служат средством для собственного прославления? Меня потрясло заявление Б. М. Эйхенбаума, что «книга акад. А. Н. Веселовского» (одного из вышеупомянутых, единственного из 10 000 000) в части, касающейся поэзии Жуковского, «не внесла ничего существенно нового». Когда столь невысоко ценится образцовый труд по истории отечественной литературы, невольно ожидаешь, что сам Б. М. Эйхенбаум сейчас сотворит чудо. И он сотворил его. Не стану приводить много цитат из анализа Б. М. Эйхенбаумом стихотворения Жуковского «Вечер», чтобы не усыпить читателя. Приведу лишь самое начало этого анализа:

Стихотворение открывается рядом восклицаний.

Ручей, виющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катишься ты в реку!
Приди, о муза благодатна,

В венке из юных роз с цевницею златой;
Склонись задумчиво на пенистые воды,

И, звуки оживив, туманный вечер пой
На лоне дремлющей природы.

Уже здесь — слияние двух строф воедино при помощи строфического enjambement. Дальше возобновляется восклицательное «как»...

Какое отношение имеет эта кричащая видимость к восприятию поэзии? Литературоведа, спешащего проиллюстрировать положения выдвигаемой им теории, никак не волнует то обстоятельство, что начало «Вечера» создано под влиянием Державина, с которым Жуковский вступает в соревнование по живописи и из которого выходит калеккой. Ручей, конечно, может навеять «тихую гармонию», но не может «пенить воды», подобно бурной реке, в результате чего становится неуместно «дремлющее лоно природы». А сколь небрежно цитирование! У Жуковского Муза — это Муза, а не муза Б. М. Эйхенбаума. У Жуковского после «пенистые воды» нет ненужной запятой. В связи с этой запятой вспоминается ироничный Оскар Уайльд: «Поэт может вынести все, кроме опечатки». Словом, тот Жуковский, который в лучших своих творениях является выдающимся поэтом, вовсе не схож с тем, которого вывел в своем труде Б. М. Эйхенбаум.

Другая совершенно простая очевидность. Например, каждый, кто увлекается поэзией Мандельштама и Ахматовой, считает их поэтами. Между тем, страдающий сомнением Б. М. Эйхенбаум утверждает: «Ахматова и Мандельштам — высокие достижения акмеизма». В литературоведческом экстазе он не замечает пародийности своего стиля.

В литературном мире непременно нарушают заповедь «не сотвори себе кумира». Так, кумир петербургских поэтов Вячеслав Иванов в середине прошлого века на своей знаменитой «башне» при скоплении стихотворцев, заглядывающих ему в рот, слушал стихи неизвестной в то время поэтессы:

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Выслушав стихи, один из блистательных лицедеев подошел к Ахматовой, поцеловал ей руку и изволил молвить: «Анна Андреевна, поздравляю вас и приветствую. Это стихотворение — событие в русской поэзии». Вряд ли символист-мистик мог всерьез воспринять стихи о перчатках, о предмете туалета. Что же касается «события в русской поэзии», то такое мнение в устах энциклопедически образованного Иванова звучит как ирония. Наверное, ему хотелось сделать комплимент красивой юной женщине, а эти «перчатки» он встречал у Козьмы Пруткова:

Разувшись, на руки надень свои сандали;
А ноги спрячь от нас куда-нибудь подалее!

Но дело сделано. На пьедестал возведен еще один кумир, и «пошла писать губерния!». Ни одному автору не посвящалось столько трудов видных филологов, сколько А. А. Ахматовой. Из большинства этих трудов «выглядывают уши» Вячеслава Иванова в виде «перчаток». Кто только не приводил в качестве примера истинной поэзии следующие стихи:

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Конечно, музыка «звенит» ради созвучия с соседним словом. Однако трудно представить, чтобы рядом с увеселительными местами, ресторанами, музыка «звенела невыразимым горем», а не фривольными городскими романсами и пошленькими песенками, после которых у Ахматовой и появились «звенит» и «горе»:

Иду по бульвару,
Гитара звенит,
Косая Маруся
За мною бежит...

Дальше еще удивительнее. То, что устрицы в ледяном панцире пахнут «свежо и остро», не унохает ни одно живое существо. Легче надеть перчатку сразу на обе руки. Но подобные казусы только увеличивают восторги. Читаем у Л. Я. Гинзбург:

В своей лирике природы Ахматова сочетает классическое наследие с удивительной неожиданностью точных деталей:

Бессмертник сух и розов. Облака
На свежем небе вылеплены грубо.
Единственного в этом парке дуба
Листва еще бесцветна и тонка.

Эти строки полны дыханием русской классики. Но поэты веками воспевали весеннюю листву, а Ахматова первая сказала о том, что только что развернувшийся дубовый лист бесцветен.

Розовый бессмертник сух или в конце лета, или в начале осени. А дуб взят в другое время года — весной. Здесь смешение времен года, но поэтессе Ахматовой часто море по колено.

Что касается «бесцветной листвы», Л. Я. Гинзбург права — А. А. Ахматова единственная сказанувшая эдакое. У Лермонтова просто: «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...»

Лермонтов не стал подбирать цветового эпитета, потому что он, как и другие русские классики, ведает, что дуб по весне выпускает листья только зеленого цвета. Натуралистические штудии А. А. Ахматовой, а вслед ей и Л. Я. Гинзбург, напоминают открытие чиновника на пенсии, наблюдением которого Чехов поделился в рассказе «Отрывок»: «Весенний прилет птиц уже начался: вчера видел воробьев».

То, что я сейчас пишу, не смешно, а печально. Здесь приведена лишь толика перлов выдающихся исследователей художественной литературы (борзописцы — имя им легион — оставлены за бортом). Эти перлы изобличают рекламу, которую заказывают книгопродавцы, схожие с хриstopродавцами. То есть люди, лишённые чувства святого.

Крым как лакмусовая бумага поэзии

Крым начал входить в наш литературный обиход сразу же после его присоединения к России. Зачинателем традиции стала Екатерина II. Обозревая красоты Крыма, она двадцатого или двадцать первого мая 1787 года написала своему фавориту графу Григорию Потемкину:

Лежала я вечер в беседке ханской
В середине бусурман и веры мусульманской.
Против беседки той построена мечеть,
Куда всяк день пять раз иман народ влечет. <...>
Я думала заснуть, и лишь закрылись очи,
Как, уши он заткнув, взревел изо всей мочи. <...>
О Божьи чудеса! из предков кто моих
Спокойно почивал от орд и ханов их?
А мне мешает спать среди Бакчисарая
Табашный дым и крик; но, впрочем, место рая; <...>
Хвалю тебя, мой друг, занявши здешний край,
Ты бдением своим все вяще укрепляй.

Приведенное стихотворение — яркое свидетельство того, что российская императрица обладала литературными способностями. Какая наблюдательность! Какая лаконичность! Какое ненавязчивое сплетение личного начала и общественного! Правда, Екатерина II, которой не давалась стихотворная форма, вероятно, воспользовалась помощью своего статс-секретаря А. В. Храповицкого. Он тоже вполне справился со своей задачей. Здесь не лишне напомнить, что форма глагола «влечет» еще пару десятилетий после Екатерины II будет произноситься со звуком «э». А удачно созданной Храповицким рифме «мечеть — влечёт» могут позавидовать иные современные стихотворцы.

Кроме того, Крыму посвятили стихи такие наши поэты, как К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, А. С. Пушкин, А. К. Толстой, Я. П. Полонский, К. К. Случевский... Остановлюсь на двух примерах, где встречается та же самая деталь, что в стихотворении Екатерины II, в котором в силу малого знакомства с исламом муэдзина подменили имамом («иман»). В стихах поздних авторов эта неточность была исправлена.

В 1898 году, когда Бунин и Брюсов еще были в товарищеских отношениях, последний прислал первому, жившему в то время в Крыму, для публикации в редактируемой им крымской газете «Южное обозрение» следующее стихотворение:

Звезда затеплилась стыдливо,
Столпились тени у холма;
Стихает море; вдоль залива
Редеет пенная кайма.

Уже погасли пятна света
На гранях сумрачных вершин, —
И вот в селеньи с минарета
Запел протяжно муэдзин.

А вот одно из многих «крымских» стихотворений Бунина «Ночь Аль-Кадра»:

Ночь Аль-Кадра. Сошлись, слились вершины,
И выше к небесам воздвиглись их чалмы.
Пел муэдзин. Еще алеют льдины,
Но из теснин, с долин уж дышит холод тьмы.

Ночь Аль-Кадра. По темным горным склонам
Еще спускаются, слоятся облака.
Пел муэдзин. Перед Великим Троном
Уже течет, дымясь, Алмазная Река.

И Гавриил — неслышно и незримо —
Обходит спящий мир. Господь, благослови
Незримый путь святого пилигрима
И дай земле твоей ночь мира и любви!

Трудно пройти мимо высосанной Брюсовым из пальца звезды, которая почему-то «затеплилась стыдливо». Обычно на южном небе, темнеющем мгновенно, звезды, потеряв всякий стыд, светят ярко. Море в тексте Брюсова лишь стихает, а потому «пенная кайма» в действительности не «редеет» еще долго. В то время как аморфные «пятна света» никак не передают яркий закат в горах. «Столпились тени» — это благоприобретение Брюсова из Полонского.

Не буду останавливаться на безграничном превосходстве бунинского стихотворения над брюсовским в живописности, глубине чувства, высоком парении и оригинальности. Это очевидно для любого, у кого есть хоть толика эстетического чувства. Меня, как я отметил выше, интересует лишь муэдзин. Бунин о нем пишет кратко: «Пел муэдзин». У Брюсова картина рисуется как будто бы полнее: «Поет протяжно муэдзин». Однако определение «протяжно» — пустое слово. Муэдзин призывает к вечерней молитве всегда протяжным голосом, словно поет.

Екатерина Великая не была поэтом. Однако даже ее грубое неодобрительное «взревел» куда точнее «находки» Брюсова. Казалось бы, микроскопическая разница между «поет протяжно муэдзин» и «пел муэдзин» как раз отличает поэта от стихотворца, для которого важен внешний звон: «Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон». Это, увы,

клинический случай, как у тронутых разумом, отождествляющих себя с Александром Македонским, Чингисханом и Наполеоном.

Среди множества псевдонимов Брюсова встречается Аврелий, которым поэт оказал честь Марку Аврелию. Нарцисс, отягощенный манерой величия («юность моя — юность гения»), бездушный стилизатор, маньяк экспериментаторства, запредельно эластичный в своих социальных устремлениях, Брюсов — образец беспринципного журнализма и ремесленничества, чуждого поэзии.

У настоящего поэта каждое слово несет нагрузку. Если ему нужен эпитет, то он будет, например, таким: «Ленивый Нил да глыбы пирамид». О музыке этой строки ни звука. Пусть в тишине ею насладится каждый. Речь только об эпитете.

Нил, как известно, в двух своих истоках не «ленивый», а весьма бурный. Но сливаясь, Белый и Голубой Нил превращаются в широкий Нил, который у земли египетской преобразуется в море разливанное, становится «ленивым».

«Ленивый Нил да глыбы пирамид», выражаясь языком сегодняшнего дня, — лучший слоган, рисующий Египет, жаждущий туристов. Такова изобразительная мощь эпитета у истинного поэта.

Остается отметить, что Брюсов, которого мало кто из его значимых современников считал художником слова, величается в энциклопедических словарях великим поэтом. Великим, видимо, потому, что он, некогда отождествлявший себя с кровавыми завоевателями, царями и императорами, после победы Великой Октябрьской социалистической революции прославил вождя пролетариата в эдаком поэтическом шедевре:

Горе! горе! умер Ленин.
Вот лежит он, скорбно тленен.
Вспоминайте горе снова!
Горе! горе! умер Ленин!
Вот лежит он, скорбно тленен.
Вспоминайте снова, снова!
Ныне наше строго слово:
С новой силой, силой строй сомкни!
Вечно память сохрани!

Да! Это стихотворение безмерно великого поэта. А Бунин, охаянный этим завистливым «великим» и его мелкотравчатой литературной сворой, до сих пор в тех же «энциклопедиях» называется прозаиком и только через запятую — поэтом.

Верлибр

Откуда есть пошел верлибр установить труднее, нежели откуда есть пошла земля Русская. Не помогают решить этот вопрос и словари, указывающие, что верлибр происходит от французского *vers libre*. Такое мнение о происхождении верлибра (или, выражаясь по-русски, свободного

стиха) противоречит фактам. На самом деле в России свободный стих начал использоваться веком раньше, чем во Франции.

Одним из первых русских верлибристов следует считать Григория Александровича Потемкина. Вот что он писал государыне в февралемарте 1776 года, волнуясь из-за влюбчивости дамы своего сердца:

Моя душа безценная,
Ты знаешь, что я весь твой,
И у меня только ты одна.
Я по смерть тебе верен,
и интересы твои мне нужны.
Как по сей причине,
так и по своему желанию,
мне всего приятнее
твоя служба и употребление
заранее моих способностей.
Зделав что ни есть для меня,
право не раскаешься, а увидишь
пользу...

Екатерина II спешно успокоила фаворита, бывшего ей необходимым и в качестве государственного деятеля:

Знаю.
Знаю, ведаю.
Правда.
Без сомненья.
Верю.
Давно доказано.
С радостию, чего!
Душой рада, да тупа.
Яснее скажи...

Конечно, любящие сердца бьются в унисон. Однако созвучности этих посланий способствовало и другое обстоятельство. Думается, Потемкин прибег к форме свободного стиха потому, что эта форма вошла в моду в литературе земли немецкой, с культурой которой никогда не порывала русская императрица, прозванная Великой. Но здесь важно то, что с верлибром Екатерина II, которой совершенно не давался метрический стих, вполне справилась. Потому что верлибр вовсе не стих.

Ни одно из ныне известных определений верлибра не является полным. Самым точным (правда, чрезмерно длинным) определением верлибра может быть только перечисление всех свойств стиха под знаком минус. В силу этого относить верлибр к стиховедению ошибочно. Верлибр есть текст, выстроенный столбцом, что придает ему внешнее сходство со стихом. Однако нельзя же все, выложенное столбцом, считать стихами. Скажем, таблицу умножения, законы Хаммурапи — самый

древний из известных на сегодняшний день верлибров — либо орфографический словарь.

Страстные пропагандисты верлибра пустили гулять по свету разные похвальные байки о нем. Самой главной из них является утверждение, что метрический стих сковывает творчество, а верлибр предоставляет автору свободу для выражения его самых глубоких чувств и мыслей. Если бы это было на самом деле так, то ни один сколько-нибудь уважающий себя автор не пользовался бы не только метрическим, но и «свободным» стихом. Потому что даже в последнем случае требуется разбивка текста на строчки, чтобы получались столбцы.

Верлибр является «свободным стихом» в том смысле, что ведет к еще большей свободе от поэзии, чем стих метрический и рифмованный, когда последним пользуются стихотворцы, а не поэты. В силу этого верлибр — катастрофически опасное явление, увеличивающее число «поэтов» в геометрической прогрессии. Скоро земля лишится лесов, которые пойдут на изготовление бумаги для изданий их глубокомысленных творений. Человечество погибнет. На земле останутся только верлибристы в противогазах. Вот тогда никто не будет возражать, что творчество каждого из них глубокомысленнее писаний, например, Гете, который не признавал верлибр.

Другая распространенная байка о верлибре гласит, что овладеть свободным стихом сложнее, чем метрическим. Как мы видели, верлибры умела составлять даже Екатерина II. Верлибр сподручен любому человеку. Вот мой верлибр: *«Мама мыла раму»*.

Хотя эта фраза заимствована из букваря, на котором выросло несколько поколений моих соотечественников, но в качестве верлибра применена впервые мною. Другим новшеством является то, что за всю историю верлибра мой верлибр (хореический размер здесь случаен), это моностих. Несмотря на свою краткость, он по объему возможных переживаний превышает многотомный роман Пруста. И, наконец, мой верлибр дает полную свободу личным переживаниям читателя, независимо от того, ел ли он когда-то печенье под названием «Мадлен», как у Пруста, или малосольные огурцы.

Этот же верлибр можно записать и таким образом:

Мама
мыла раму.

Если кому-то нравится еще большая эмоциональность, то можем написать:

Мама
мыла
раму.

Еле заметным росчерком пера верлибр превращается в шедевр индийской поэзии:

Мама
мыла
Раму.

Любому, кто хоть чуточку наделен чувством поэзии, очевидно, что все эти новаторские и гениальные верлибры — сугубая проза. Верлибр есть одно из средств прозаизации поэзии. Как пример привожу верлибр тончайшего лирика А. А. Фета:

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только редко люблю я...

Чаще всего мне приятно скользить по заливу
Так — забываясь
Под звучную меру весла,
Омоченного пеной шипучей, —
Да смотреть, много ль отъехал
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...

Эти строки в столбик мало чем отличаются от прозы, причем неудачной. Так нужен ли верлибр? Конечно, нужен. Еще Державин отметил, что есть такие чувства и настроения, которые, по его убеждению, не следует выражать рифмованным стихом. От себя замечу, что верлибр хорош тогда, когда предстоит излиться настроению, подвешенному между поэзией и прозой. Если такое настроение передать метрическим стихом, получится красивость, а если прозой — сухость.

